

Отдельные терминологические вопросы международно-правового регулирования средств индивидуализации

Аннотация. Статья посвящена проблемам международно-правовой охраны средств индивидуализации, к которым автор относит товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, географические указания, коммерческие обозначения как объекты, индивидуализирующие товары, услуги, юридические лица или предприятия. Автор отмечает, что лишь Стокгольмская конвенция 1967 г., учредившая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, в ст. 2 относит некоторые из перечисленных выше объектов (а именно товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения) к интеллектуальной собственности, обращая внимание на терминологическое несоответствие ряда международных договоров, действующих в рассматриваемой сфере правоотношений. Отдельное внимание в статье уделяется проблемам соотношения наименований места происхождения и географических указаний как объектов международно-правовой охраны. Автор приходит к выводу о том, что разработчики Женевского акта (2015 г.) Лиссабонского соглашения, по всей видимости, пошли по пути наименьшего сопротивления, разделив эти понятия и предусмотрев географические указания отдельно в качестве объекта охраны наряду с наименованиями мест происхождения с тем, чтобы объединить существующие международные режимы охраны как наименований мест происхождения, так и географических указаний.

Ключевые слова: средства индивидуализации, торговые объекты промышленной собственности, производственно-торговые объекты, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения, географические указания, унификация, Парижская конвенция, Стокгольмская конвенция, ТРИПС, Лиссабонское соглашение, Женевский акт.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.195-200

В современном мире вопросы унификации правового регулирования средств индивидуализации имеют первостепенное значение в контексте стабильного эффективного развития производственно-торгового потенциала как отдельных государств, так и их объединений

в рамках универсальных и региональных международных организаций. Проблемы охраны результатов интеллектуальной деятельности, выражающихся в тех или иных объектах промышленной собственности и приравненных к ним в контексте терминологии российского

© Шахназаров Б. А., 2016

* Шахназаров Бениамин Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
ben_raf@mail.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

законодательства средств индивидуализации, являются предметом обсуждения государств с давних времен. Ни один международный договор не называет напрямую средства индивидуализации товаров, услуг, юридических лиц, предприятий, а именно известные в контексте международно-правовой охраны следующие объекты охраны: товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, географические указания, коммерческие обозначения результатами интеллектуальной деятельности. Лишь Стокгольмская конвенция 1967 года, учредившая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, в ст. 2 относит некоторые из перечисленных выше объектов (а именно товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения) к интеллектуальной собственности, а также указывает на включение в понятие интеллектуальной собственности и всех других прав, относящихся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. На основе анализа обозначенной формулировки можно сделать вывод о том, что права на средства индивидуализации являются правами, относящимися к интеллектуальной деятельности в производственной области. Если говорить точнее, то в производственно-торговой области. В то же время при создании средств индивидуализации не всегда происходит непосредственная целенаправленная интеллектуальная (в частности, творческая) деятельность, а процесс создания средства индивидуализации носит административно-организационный характер и имеет целью не использование для производства материальных благ, а индивидуализацию товаров, услуг, юридических лиц или предприятий. Судя по всему, именно исходя из этой логики российский законодатель и использовал термин «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации» в части IV ГК РФ. Такое приравнивание осуществлено в контексте режимов охраны, однако некоторые концептуальные механизмы охраны результатов интеллектуальной деятельности неприменимы к средствам индивидуализации. Например, исключены личные неимущественные права на средства индивидуализации, что подчеркивает их «неинтеллектуальный» характер.

Основным и самым важным направлением международной работы было все же сотрудничество в сфере унификации права промышленной собственности, которое привело к принятию в 1883 г. Парижской конвенции по охране промышленной собственности (далее — Парижская конвенция).

Именно принятие международного договора позволяет преодолевать территориальный характер прав на объекты промышленной собственности, и в частности средства индивидуализации, и их охраны. Парижская конвенция является основополагающим международным договором в сфере охраны средств индивидуализации, она определила объекты охраны, относящиеся к промышленной собственности в целом, и установила международные принципы и механизмы охраны и сотрудничества государств в сфере промышленной собственности. В то же время Парижской конвенции не удалось преодолеть территориальный характер охраны промышленной собственности полностью, не был согласован и единый охраняемый документ в отношении средств индивидуализации, который признавался бы на территории всех государств — участников Конвенции. Все средства индивидуализации (товаров, услуг, юридических лиц, предприятий) представляются торговыми или производственно-торговыми объектами промышленной собственности, составляющими крупную группу объектов промышленной собственности. В обозначенном контексте использование в российском законодательстве формулировки «средства индивидуализации» представляется корректным и допустимым ввиду того, что это не создает терминологических противоречий с текстами международных договоров в сфере охраны промышленной собственности. Действительно, анализируя положения Парижской и Стокгольмской конвенций, возможно выделить группу объектов интеллектуальной собственности, в частности промышленной собственности, — «средства индивидуализации», к которым относятся, как было отмечено выше, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, коммерческие обозначения. В данной группе определяющим критерием является критерий идентификации юридических лиц, товаров, услуг или предприятий для целей организации

эффективной торговли и защиты прав потребителей, а также хозяйствующих субъектов и производителей товаров и услуг. Защита против недобросовестной конкуренции является не самостоятельным объектом охраны, но правом, относящимся к интеллектуальной, в частности к промышленной, собственности, и служит механизмом защиты прав на все средства индивидуализации.

В то же время в рамках ВОИС осуществляется и деятельность по разработке режимов охраны географических указаний, получивших широкое распространение как самостоятельный объект охраны с принятием Соглашения ТРИПС в рамках ВТО в 1994 г. Так, ВОИС администрирует Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (с поправками, внесенными 28 сентября 1979 г.). В рамках ВОИС был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях (20 мая 2015 г.), который, как следует из названия, предоставляет возможность осуществлять международную регистрацию не только наименований мест происхождения, но и географических указаний, о чем будет сказано ниже.

В Соглашении ТРИПС товарные знаки получили четкое расширительное толкование и определение, тогда как Парижская конвенция не содержала такового. В этом контексте ТРИПС обобщил и положения Мадридского соглашения о международной регистрации знаков 1891 г. и Протокола к нему 1989 г., которые вместе с Общей инструкцией к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков и Протоколу к нему (последняя редакция действует с 1 января 2015 г.) указывают на отдельные виды знаков и критерии охраны, но также не содержат единого определения знаков.

Товарным знаком в ТРИПС признается любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий, и такие обозначения, в частности слова, включая имена лиц, буквы, цифры, изобразительные элементы и сочетание цветов, а также любое сочетание таких

обозначений могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков. Если знаки не обладают способностью к различению соответствующих товаров или услуг, государства — члены ВТО могут поставить возможность регистрации знака в зависимости от различительной способности, приобретенной в процессе использования (п. 1 ст. 15). Таким образом, обозначенные положения ТРИПС, в частности критерии определения товарных знаков, прежде всего через обозначение, обладающее различительной способностью, придают ТРИПС значение универсального акта унификации национального законодательства в сфере охраны товарных знаков (знаков обслуживания) большого числа государств. Но ТРИПС не выделяет знак обслуживания как отдельный объект охраны, в отличие от Парижской конвенции, указывая на то, что товарный знак может служить и для индивидуализации услуг. Справедливо будет отметить, что этот нюанс не имеет серьезного прагматического смысла, поскольку режимы и способы охраны товарных знаков и знаков обслуживания по своей сути отождествляются (различен лишь объект идентификации — товар или услуга).

Географические указания определяются в ТРИПС через обозначения, которые идентифицируют товар как происходящий с территории либо региона или местности на этой территории, где определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением (ст. 22). Отметим, что Парижская конвенция тоже не содержит определения географических указаний, кроме того, в ней содержится два иных термина: указание происхождения и наименование места происхождения товаров (нашедший закрепление в современном российском законодательстве ввиду того, что на момент принятия части IV ГК РФ Россия не являлась членом ВТО).

В российской доктрине понятие «наименование места происхождения товаров» рассматривается как один из видов общего понятия «указание происхождения», характеризуемого связью между качеством, особыми свойствами товара и местом его происхождения¹.

¹ См. об этом: Проблемы унификации международного частного права : монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2013.

В науке справедливо отмечается, что в сфере такого объекта охраны промышленной собственности, как наименования мест происхождения товаров, употребляется усложненная терминология, до сих пор не унифицированная на международном уровне, что вызывает нечеткое разграничение понятий: указания происхождения, географические указания, наименования мест происхождения товаров².

Особенно наглядно такое нечеткое разграничение прослеживается в размышлениях А. Л. Маковского, согласно которым правовая охрана наименований мест происхождения товаров в международном гражданском обороте, помимо Парижской конвенции, регламентирована двумя универсальными международными договорами: Мадридским соглашением о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах 1891 г. и Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г.³ В то же время в Мадридском соглашении речь идет не о наименовании места происхождения товаров, а о ложных указаниях на товарах (наряду с иными средствами индивидуализации) в отношении места производства, что лишает потребителей права на достоверную информацию о товаре (институт ложных указаний известен и Парижской конвенции в развитии указания происхождения как объекта охраны — ст. 10). Этот объект охраны в контексте терминологии Парижской конвенции назван указаниями происхождения товаров, которые отличаются от наименования места происхождения товара и могут определять не только географическое происхождение, но и иное происхождение, например способ изготовления товара, материал, используемый при изготовлении товара, личность производителя и т.д. Таким образом, наименование места

происхождения товара, которое связывает природные особенности места (территории) со свойствами товаров, представляется одним из видов указаний происхождения товаров.

На основе упомянутого выше определения географического указания по Соглашению ТРИПС в науке делается вывод о том, что оно занимает промежуточное место между указанием происхождения, которое не гарантирует качества товара, являясь простым обозначением местопребывания производителя или торговца, и наименованием места происхождения товара, качество которого уникально благодаря природным и (или) человеческим факторам, присущими тому или иному географическому объекту⁴. Для предоставления правовой охраны географическим указаниям требуются определенные качественные характеристики товара, но не доходящие до пределов уникальности, как в случае с наименованиями мест происхождения товаров⁵. С обозначенной позицией сложно согласиться, поскольку при определении географических указаний в Соглашении ТРИПС также делается акцент на связи качества, репутации и иных характеристик товара в значительной степени с местом его географического происхождения. В то же время и Парижская конвенция, и конкретизирующее позднее ее положения Лиссабонское соглашение тоже исходят из связи места происхождения товара с качеством и особенностями товара, которые объясняются исключительно или главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы. В то же время термины «репутация» и «иные характеристики товара», используемые в положениях ТРИПС, по сути дополняя критерий качества, совпадают с широким, открытым объемом понятия «природные и человеческие факторы», используемого в ст. 2 Лиссабонского соглашения. Однако в ВОИС посчитали, что

² См.: Еременко В. И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. 2012. № 5.

³ Привод. по: Еременко В. И. Указ. соч.

⁴ Согласно ст. 2 Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. термин «наименование места происхождения» означает географическое наименование страны, района или местности, служащее для обозначения изделия, которое происходит из данной страны, района или местности и качество и особенности которого объясняются исключительно или главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы.

⁵ Еременко В. И. Указ. соч.

такая формулировка не снимает всех проблем по разным вариантам возможной имплементации положений Лиссабонского соглашения в национальное законодательство различных государств.

В рассматриваемой проблематике особую актуальность придает тот факт, что Лиссабонское соглашение после многочисленных дискуссий о неточностях в объектах охраны в различных международных договорах в результате плотной работы ВОИС получило новую редакцию — редакцию Женевского акта от 20 мая 2015 г. Отметим, что Лиссабонское соглашение и его текст в редакции Женевского акта были подписаны небольшим количеством государств. Российская Федерация не является участником Лиссабонского соглашения, однако руководством страны модернизация Лиссабонской системы охраны наименований мест происхождения оценивалась весьма положительно в контексте развития российского законодательства в рассматриваемой сфере и приведения его в соответствие с нормами международных договоров, что, в свою очередь, выразилось в участии российской делегации, сформированной на правительственном уровне, в качестве наблюдателей в Дипломатической конференции по принятию нового акта Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации в г. Женева, Швейцария, 11—21 мая 2015 г. (распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 748-р).

Действительно, именно Женевский акт рассматриваемого документа предложил, на наш взгляд, комплексный, объединяющий положения различных международных договоров подход, предусмотрев охрану как собственно наименований мест происхождения товаров, так и географических указаний. В частности, ст. 2 Лиссабонского соглашения уже в названии была дополнена новым объектом: «Наименования мест происхождения и географические указания». В тексте же ст. 2 под географическим указанием, по сути, понимается любое указание, которое охраняется в государстве — участнике Соглашения, являющемся страной происхождения, и ко-

торое представляет собой название географического района или иного указания, известного как указание на такой район, либо содержащего такое название или такое иное указание, которое идентифицирует товар как происходящий из этого географического района, когда определенное качество, репутация или иное свойство товара обусловлены главным образом его географическим происхождением. Таким образом, влияние именно географического происхождения на качество, репутацию или иное свойство товара было признано Женевским актом Лиссабонского соглашения фактором, отличающим географическое указание от наименования места происхождения.

Сопоставляя понятия «географическое происхождение» (используемое при определении географического указания) и «географическая среда» (используемое при определении наименования места происхождения товара) в Женевском акте Лиссабонского соглашения — при их практически тождественной связи с качеством, свойством и репутацией товара, — можно сделать вывод о том, что географическое указание, по сути, является разновидностью наименования места происхождения товара, т.к. географическое происхождение собственно территориальное, является частью географической среды как комплекса территориальных, природных и человеческих факторов. В то же время, как отмечают эксперты ВОИС, географическое указание, напротив, представляется более широким объектом охраны (наименование места происхождения товаров — лишь вид географического указания), т.к. предполагает более широкую связь особых свойств товара с той или иной территорией, а именно с географическим происхождением в широком смысле слова (место производства, место продажи), а в отношении наименования места происхождения товара устанавливаются конкретные, более узкие и строгие требования о связи особых свойств товара, его репутации с географической средой⁶. Таким образом, можно сделать вывод о том, что разработчики Женевского акта Лиссабонского соглашения, по всей видимости, пошли по пути наименьшего

⁶ Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: http://www.wipo.int/sme/ru/ip_business/collective_marks/geographical_indications.htm (дата обращения: 26 ноября 2015 г.).

сопротивления, разделив эти понятия и предусмотрев географические указания отдельно в качестве объекта охраны, чтобы объединить

существующие международные режимы охраны как наименований мест происхождения, так и географических указаний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Еременко В. И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. — 2012. — № 5.
2. Проблемы унификации международного частного права : монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2013.

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2015 г.

SOME TERMINOLOGICAL ISSUES ON INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE MEANS OF INDIVIDUALIZATION

SHAKHNAZAROV Beneamin Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Advocate at Law Society of the City of Moscow
ben_raf@mail.ru
123995, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article deals with the problems of international legal protection of means of individualization, among which are the trademarks, service marks, trade names, indications of origin, name of origin, geographical indications, business names, as objects of individualizing goods, services, legal persons or companies. The author notes that only Stockholm Convention establishing the World Intellectual Property Organization, 1967, Art. 2 classifies some of the abovementioned items (namely, trademarks, service marks, trade names and business names) as intellectual property, drawing attention to the terminological discrepancy of several international treaties applicable to this sphere of legal relations. Special attention is given to the problems of the relation of names of origin and geographical indications as objects of international legal protection. The author concludes that the developers of the Geneva Act (2015) of the Lisbon Treaty are likely to choose the path of least resistance, dividing these concepts and separating geographical indications as an object of protection in addition to names of origin in order to consolidate the existing international protection regimes of both names of origin and geographical indications.*

Keywords: *means of individualization, mercantile establishments of industrial property, manufacturing and retail facilities, trademark, service mark, name of origin, geographical indication, unification, Paris Convention, Stockholm Convention, TRIPs, Lisbon Treaty, Geneva Act.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Eremenko V. I. O pravovoj ohrane naimenovanij mest proishozhdenija tovarov v Rossii // Zakonodatel'stvo i jekonomika. — 2012. — № 5.
2. Problemy unifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava : monografija / otv. red. A. L. Makovskij, I. O. Hlestova. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, 2013.